

УДК 81
ББК 81
Т30

Редакционная коллегия: к. ф. н., доц. *П. Е. Ахраменко*; к. ф. н., доц. *Л. Н. Боженко*; к. ф. н., доц. *В. В. Кузьмич*; *Т. Н. Липская*; к. ф. н., доц. *О. И. Ревуцкий*; д. п. н., доц., *В. Ф. Русецкий*, к. ф. н., доц. *В. С. Сидорец*; к. ф. н., доц. *Т. И. Татарина*.

Ответственный редактор: к. ф. н., доц. *С. Б. Кураш*.

Рецензенты: *Гируцкий А. А.*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории языка БГПУ им. М. Танка; *Николаенко Г. И.*, доктор педагогических наук, проректор по научно-методической работе Академии последипломного образования.

Печатается согласно сводному тематическому плану проведения научных и научно-технических мероприятий в Республике Беларусь в 2009 году
Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь
и приказу по университету № 432 от 04.05.2009

Текст. Язык. Человек : сборник научных трудов : в 2 ч.
Т30 / редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : УО МГПУ
им. И. П. Шамякина, 2009. – Ч. 2. – 248 с.
ISBN 978-985-477-259-2

Сборник содержит труды по актуальным проблемам теории текста и методики его изучения в вузе, общеобразовательной школе и средних специальных учебных заведениях.

Во второй части представлены статьи, отражающие содержание докладов V Международной научной конференции «Текст. Язык. Человек» (21–22 мая 2009 г., г. Мозырь), по проблемам типологии текстов, дискурсов, жанров, по коммуникативной лингвистике и риторике, а также по методике развития креативной языковой личности в средней и высшей школе.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам филологических специальностей.

Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-985-477-259-2 (Ч. 2)
ISBN 978-985-477-228-8

© Коллектив авторов, 2009.
© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2009

ные цели с названием всех участвующих в преобразовании элементов и указанием к их дальнейшим действиям. К третьему типу относят неполные, т. е. не до конца сформулированные, промежуточные цели, в которых субъект не полностью высказывает требования, представленные по ситуативным условиям [6, 126]. В процессе коммуникации возникают специальные цели установления и поддержания контакта с партнером (контактная цель), цель подготовить слушающего к восприятию и пониманию сообщений (фасцинация). Они являются промежуточными по отношению к конечной – воздействию на партнера: порождение этих целей является результатом определенной мыслительной работы [6, 167].

Другая точка зрения связана с исследованием целей по временной перспективе, берущим свое начало в психологической теории целеполагания. В данной связи выделяют два вида целей – ближайшую, т. е. непосредственно выражаемую говорящим, и более отдаленную, долговременную. Основными разновидностями ближайшей цели являются: 1) интеллектуальная цель: получение информации (в том числе оценочной); выяснение позиций; поддержка мнения, развитие темы, разъяснение, критика; 2) цель, связанная с установлением характера отношений: развитие или прекращение коммуникации, побуждение к действию. За ближайшими целями часто стоит целевой подтекст, углубляющий и усложняющий общение. Например, человек, поддерживающий не очень интересный разговор, может преследовать долговременную цель установить хорошие отношения с собеседником. Просьба уточнить сказанное может иметь ближайшей целью действительное получение информации, а отдаленной целью – намерение заявить о себе, утвердить свой статус. Обращение к ребенку: «помоги мне» (ближайшая цель – побудительная, отдаленная – воспитательного воздействия). Хотя часто люди тщательно скрывают или маскируют свои отдаленные цели, их можно выявить по общему характеру разговора, по произвольным (невербальным или вербальным) проявлениям говорящего [3, 164–165].

Третья точка зрения определяется проблемой разграничения общих и конкретных целей. Общая цель может быть названа, но не раскрыта подробно. Так, например, она может быть образовательной, религиозной, политической или коммерческой. Она может подразумеваться характером вашей деятельности. Конкретная цель должна быть сформулирована четко [1, 149].

В рамках данного исследования промежуточные и долговременные цели относятся к классу второстепенных, так как они направлены на реализацию дополнительных, не основных намерений говорящего и могут носить «случайный» характер. Включение этих второстепенных целей в коммуникативный процесс говорящим является процессом произвольной и непроизвольной активности адресанта. Если перед ним стоит намерение передать дополнительный смысл своему высказыванию, то второстепенные цели находят свое выражение в системе целевой заданности. В случае постановки явной цели без каких-либо дополнительных смыслов, говорящий реализует первостепенную цель посредством определенного набора языковых средств, делающих понятным его стремление в установленной ситуации общения. Хочется отметить, что постановка только первостепенных целей – явление не настолько частое, как реализация целей обоих планов одновременно или в процессе развития диалогового взаимодействия. Данное положение объясняется сложным характером процесса речевого обмена, для которого характерна частая динамика целеобразования, трансформацией целей в связи с появлением новых условий коммуникации.

Таким образом, представленные размышления по поводу возможности исследования иерархической упорядоченности цели говорящего способствуют формулированию вывода о сложной структуре целевой организации речевой деятельности участников общения, которую необходимо учитывать в условиях анализа коммуникативно значимых элементов речевого взаимодействия.

Литература

1. Адаир Дж. Эффективная коммуникация. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 240 с.
2. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Языковое моделирование и социальное взаимодействие: переводы / Сост. В. М. Сергеева и П. Б. Наршина; Общ. ред. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.
3. Волкова А. И. Психология общения / А. И. Волкова. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 446. [1] с. – (Высшее образование).
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 288 с.
5. Нестеров А. Ю. Проблема значения и действительности в семиотической модели коммуникации // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. – 2007. – № 2. – С. 61–76.
6. Тихомиров О. К. Психология мышления: Учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 288 с.
7. Dillard J.D., Segrin Ch. And Harden J.M. Primary and secondary goals in the production of interpersonal influence messages // Communication Monographs. – March 1989. – V. 56. – P. 19–38.

Е. В. Ничипорчик (Гомель, Беларусь)

СООБЩЕНИЕ О НЕВОЗМОЖНОСТИ КАК ДОВОД (на материале русских и белорусских паремий)

В практике повседневного общения человек нередко сталкивается с необходимостью прибегнуть к аргументирующим коммуникативным ходам. Аргументация при этом рассматривается как способ достижения стратегической цели, связываемой с оказанием того или иного речевого воздействия на реципиента, и одновременно как частный тактический ход, характеризующийся своей иллюкутивной направленностью.

Одним из источников аргументов для говорящего может выступать паремиологический фонд. Каждый носитель языка воспринимает паремии как квинтэссенцию жизненного опыта и потому использует их не только ради красного словца, но и для придания своей речи убедительности. Способность паремий функционировать в качестве своеобразного довода к авторитету отмечена в целом ряде исследований, посвященных

изучению прагматических потенций пословичных и поговорочных выражений (см. работы Г. Д. Сидорковой, Л. Б. Савенковой, С. Н. Аверинной и др.). В настоящей статье анализируется употребление паремий с инвариантным значением невозможности в качестве аргументирующих коммуникативных ходов с целью выявления иллокутивных функций, которые при этом подвергаются означиванию. Наблюдения ограничиваются контекстами, в которых аргументация разворачивается с позиций согласия и несогласия с партнёром по общению.

Паремии со значением невозможности представляют собой такой тип высказываний, которые с учётом коммуникативно значимых характеристик предикатных номинаций могут быть квалифицированы как констатирующие суждения: *Выше головы не прыгнешь; Из песни слова не выкинешь; Не удержался за гриву, за хвост не удержишься; Ад самого сябе не ўцячэш; Жонка не рукаў, не апораш; Розум не кулеш, у галаву не накладзеш*. По это не означает, что интенции говорящего при употреблении паремий со значением невозможности ограничиваются только лишь сообщением. Очевидно, что, кроме собственно информативной функции, паремии в речи реализуют множество дополнительных функций, которые, по мнению Ю. Д. Апресяна, во многих случаях не маркируются никакими собственно языковыми средствами, а восстанавливаются адресатом на основании экстралингвистических знаний [4, 12]. И одна из этих функций – актуализация в сознании реципиента причинно-следственных связей, позволяющих дешифровать намерения говорящего, связанные с оказанием того или иного воздействия на адресата.

Обычно необходимость в аргументации возникает в связи с решением вопроса о выборе мнения или линии поведения. При этом соотношение позиций коммуникантов может быть следующим: мнения коммуникантов не совпадают (чаще) либо совпадают (реже). В процессе общения, правда, не всегда очевидной представляется позиция партнёра, и роль аргументации может связываться не только с поддержкой либо отклонением того или иного мнения, но и с формированием самого мнения – собственного или чужого, с мотивацией необходимости коррекции поведения, эмоционального состояния и т. д. Паремия, используемая как аргумент, во всех этих случаях служит означиванию не только денотативной ситуации, встроеной в каузальные связи, но и речевого намерения, связываемого с аргументацией, естественно, если это речевое намерение не находит самостоятельной формы выражения. Паремия, таким образом, является хотя и косвенным, однако языковым маркером данного намерения. Имплицированные при этом смыслы могут быть интерпретированы следующим образом: *соглашаюсь, потому что; возражаю, потому что; отказываюсь, потому что; опасаясь, потому что; предупреждаю, потому что; рекомендую, потому что* и др. В этом отношении нельзя не согласиться с исследователем С. П. Аверинной, которая считает возможность подстановки каузального союза (*так как, потому что, ибо*) индикатором аргументативной роли паремий [3, 22]. Заметим, что каузальный союз, если он не эксплицитен, закономерно присутствует в пресуппозиции высказывания, выполняющего роль аргументирующего коммуникативного хода. Ср.: – *За что это они, Семен Иванович? итраф на статью... Да вы бы, Аркадий Тимофеевич, послабже писали, что ли. Зачем так налегать. Знаете уж, что такая вещь бывает – пустили бы поживе.* <Так как> *Плетью обуха не перешибешь.*

(А. Аверченко *Быт*) [6, 219]; – *Дык ты, бабка, не ведаеш, чаго мы на свеце жывём! – Не, панічок, не ведаю! Каб вы запыталіся ў дрэва, чаму яно расце, дык хіба ж бы яно вам аказава? Так і я не магу адказаць вам. Жывём, покi жывецца, бу жывы ў зямлю не палезеш, а прыйдзе смерць, тады пахавалюць (Я. Колас. *На ростанях*) [5, 146].*

При анализе роли паремий в структуре дискурса обращает на себя внимание тот факт, что аргументирующая функция паремии является, как правило, вспомогательной в реализации той или иной коммуникативной стратегии говорящего. Если речевые намерения, связанные с реализацией коммуникативной стратегии, означиваются отдельно, роль паремии сводится лишь к мотивации этого намерения. Однако в случае отсутствия эксплицитного маркера речевых намерений, которые преследуются аргументацией, паремия реализует сразу две функции – косвенного означивания речевого намерения и его мотивации.

Придерживаясь позиции согласия с партнёром по общению, пользователь паремии, таким образом, может:

а) выразить согласие посредством его мотивации:

– *Что вы, Руфина Анелюдистовна – поспешил я успокоить старушку, – зачем утрачивать. Еще жить нужно... – Старушка только махнула рукой, а потом, улынувшись сквозь слезы, прибавила: – Известно, раньше смерти не умрешь (Д. Мамин-Сибиряк. *В худых душах*) [6, 264];*

– *Блакiраваць гарнізоны. І таксама оробывалі групамі. Па рыбе і спась. А ты – Па-мойму, варта пагляць на ногі і самаабарону. – Каши маслом не папсуеш... (У. Карпаў. *Цямігі крывавыя берагі*) [5, 198].*

б) мотивировать согласие, решимость последовать совету (в случае эксплицитного выражения в речи самого согласия):

(*Покоритесь*) судьбе... да, вы правы, – сказал он, – *против судьбы не пойдешь, как и против рождна не попрешь* (А. А. Соколов. *Тайна*) [7, с. 144];

– *Вось заўтра зранку ты і выпраўдзіся да яго [злачара]... – Ладна, так таму і быць: з’езджу. Чаму быць – таго не мiнаваць, як казаву мой бацька (В. Глебiч. *Палтэргейст*) [7, 428];*

в) мотивировать опасение по поводу неблагоприятного исхода дел (при эксплицитно выраженном сомнении в положительном исходе дел на фоне предварительного согласия с предположением партнёра):

*Ну, я гатоў вам уаружыць, толькі як ваша дажка захімерычыцца ды адцурраецца ад мяне, то што тады? Вы ж ведаеце прылавецць: даганяючы не нацалавацца (В. Дунiн-Марцiнкевіч. *Пiнская шляхта*) [5, 112].*

В позиции несогласия с партнёром по общению говорящий, используя паремии как аргументирующий коммуникативный ход, может:

а) возразить партнёру, отклонить его мнение, совет, предложение, мотивируя своё несогласие:

– *А вы поменьше про это, – посоветовала старуха. – Нету – и нету, а говорить не надо – Шила в мешке не утаишь, старая, – снисходительно сказал Стыр... (В. Шукшин. *Я пришел дать вам волю*) [6, 317].*

*Вечарам прыйшоў дзядзька Ігаль. Дя парся спыніўся і ціха спытаўся у Алесевай маці: – Ведае ўжо – Ведае. – Не трэба было казаць хвораму. – Шыла у мяцку не ўтойш (А. Сiняўскі. *Заранка*) [5, 450].*

– *А ты сама твары сабе лёс! Нечага чыкаць мiласа ад Бога. – Шчасце не коць – у аглобi не запрамежш (Настаўн. газ. 2000, 7 снеж.) [5, 449].*

б) отклонить опасения партнёра по общению посредством мотивации отвода опасения:

– *А ці не лішне мы навазілі таго торфу?.. Гэта ж штаблялёў панастаўлялі, што на поле не ўз'едзеш... А гной жа яшчэ возім... – Масла кашы не зашкодзіць, – усміхаецца і старшыня (В. Палтаран. Жыццё набірае разгон) [5, 198–199].*

в) мотивировать отказ, несогласие (при эксплицитно выраженном в предыдущем контексте несогласии):

*Покуда я приказчик, нікто у мяня прслуги не отымет, а с гэтой должности вы мяня не маеце права смесціць. – Имею. – А должок-то, дваццать-то тысяч – Возьми вексель. – **Нет-с!** что написано пером, того не вырубшь топором. (Ф. Решетников. Глуховы) [6, 215].*

– *А што з таго, што я буду крычаць? Хто мяне пачуе? Вось ты направаўу крыкнуць, і цябе перамясцілі. **Не, брат, вышэй пуна не падскочыш!** – тонам пераможца заключыў Анцынік. (Я. Колас. На ростанях) [5, 91].*

Отклонение мнения или предложения может быть выражено говорящим не прямо, а косвенно, к примеру актом негативной оценки лица, высказавшего своё мнение или предложение:

Літаратура

1. Сидоркова, Г. Д. Прагматика паремий: Пословицы и поговорки как речевые действия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г. Д. Сидоркова. – Краснодар, 1999. – 322 с.
2. Савенкова, Л. Б. Русские паремии как функционирующая система: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002. – 483 с.
3. Аверина, С. Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С. Н. Аверина. – Краснодар, 2005. – 159 с.
4. Апресян, Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря: Прагматика и проблемы интенциональности: Сборник научных трудов / Ю. Д. Апресян. – М., 1988. – С. 7–44.
5. Лелешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак. / І. Я. Лелешаў, М. А. Якалцэвіч – Мн.: Беларускае навук, 2002. – 511 с.
6. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц / В. М. Мокшенко, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнуллидинов и др. под ред. В. М. Мокшенко. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 381 с.
7. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое: опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иноязычных: в 2 т. – М.: ТЕРРА, 1994. – Т. 2. – 832 с.

Л. Л. Плыгаўка (Вільнюс, Літва)

ДЭТЭРМІНАНТЫ МОЎНАЙ АСОБЫ ВА ЁМОВАХ ПОЛІЭТНІЧНАГА ГРАМАДСТВА

Сучасная інфарматызацыя і эміграцыйная дынаміка паставілі ў шэраг актуальных задачы полікультурных рэгіёнаў, у аснове якіх знаходзяцца этнасацыяльныя, канфесійныя, дэмаграфічныя і моўныя дэтэрмінанты і спецыфіку якіх стварае разнастайнасць нацыянальных культур у іх узаемадзеянні.

Полікультурная тэрыторыя – гэта сацыяльная сістэма, дзе этнічныя групы з'яўляюцца элементамі гэтай сістэмы, і таму працэсы іх інтэграцыі і дыферэнцыяцыі разглядаюцца як этапы яе развіцця. Па часе ўтварэння можна вылучыць полікультурныя рэгіёны як вынік сучасных міграцыйных працэсаў і полікультурныя рэгіёны з працяглым перыядам суіснавання этнічных груп. Першая група адносіцца да тыпу незбалансаваных структур, дзе галоўнымі выступаюць працэсы размежавання па рэлігійных і нацыянальных прыкметах і кожная група па-рознаму разумее міжгрупавы баланс.

Другая група, наадварот, адрозніваецца структурнай збалансаванасцю з перавагай інтэграцыйных працэсаў над працэсамі дыферэнцыяцыі. Такія тэрыторыі цікавыя найперш тым, што яе насельніцтва – гэта ўнікальны

феномен са шматлікімі дыяхроннымі трансфармацыямі, у выніку якіх у стагатычнай геаграфічнай прасторы яно пераходзіла то ў большасць, то ў меншасць над уплывам гэтых знешніх ці ўнутраных фактараў. Напрыклад, на працягу XX ст. неаднаразова адбываліся змены грамадскага статусу асобных нацыянальных груп, што працягваюць на тэрыторыі паўднёвага ўсходу Літоўскай Рэспублікі. У якасці прыкладу аналагічных кантактных зон можна назваць такія рэгіёны, як Сібір, Паволжа, Паўночны Каўказ (Расійская Федэрацыя), Гродзенская вобласць (Рэспубліка Беларусь), Карпаты (Украіна) і інш.

Насельніцтва такой зоны адрозніваецца цеснымі міжнацыянальнымі сувязямі і выяўляе такія формы адаптацыі, як моўную, этнакультурную, пры якой адбываецца ўзаемааніраціённае элементарнае матэрыяльнае і духоўнае культуры і высокі ўзровень міжкультурнай кампетэнцыі, вытворчую і сацыяльную.

Гэта дазваляе вылучыць тэндэнцыі этнакультурных працэсаў і раскрыць уздзеянне на іх асобных бі- ці полікультурных сувязяў, асэнсавань дэмаграфічнай разнастайнасцю змен гэтай тэрыторыі. Такія рэгіёны выступаюць аб'ектам эмпірычных і тэарэтычных навуковых даследаванняў у выніку сваёй каштоўнасці